

Демографические процессы в СССР в период голода начала 1930-х годов: историография вопроса

Г. А. Петаченко

Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
petakoff@yandex.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает историографию демографической истории СССР начала 1930-х гг., освещая актуальные проблемы исторической демографии, основное внимание уделяя ключевым дискуссиям о достоверности советской статистики населения и масштабах демографического кризиса, охватившего страну в этот период, включая значительные потери населения. Исследуются изменения в подходах к изучению этого времени, которые варьируют от категорического осуждения сталинского режима в конце 1980-начале 1990-х гг. до глубокого осмысления жертв сталинизма и внимательного изучения демографических потрясений 1930-х гг. с последующими попытками исторических обобщений. Этот путь отражает эволюцию исторической науки, переходящей от однобоких интерпретаций к многогранному пониманию процессов, формировавших судьбы людей и целых народов в тот сложный период. Демографические процессы начала 1930-х гг. в СССР анализируются через призму голода 1932–1933 гг., последствия которого были всесторонне изучены в исследованиях 1990-х и начала 2000-х гг. Однако источники, такие как оценочные данные и сводные отчеты ЦУНХУ СССР, не полностью отражают реальную картину, что подчеркивает необходимость учета региональных особенностей.

Ключевые слова:

историческая демография, историография, демографическая история, демографический кризис, демографическая катастрофа, демографическая модернизация

В годы первых пятилеток в Советском Союзе разворачивался грандиозный индустриальный проект, который неизбежно затронул жизни миллионов людей и оказал глубокое влияние не только на дальнейшее социально-экономическое развитие страны, но и вызвал серьезные социальные катаклизмы, нашедшие свое отражение в демографической сфере.

По мнению большинства исследователей, корень демографических катастроф и кризисов кроется в политической ситуации в стране. Нарушение социально-экономических процессов и демографических условий стало

Demographic processes in the USSR during the famine of the early 1930s: historiography of the problem

G. A. Petachenko

Belarusian State University,
Minsk
petakoff@yandex.ru

Abstract

The paper considers the historiography of the demographic history of the USSR in the early 1930s, highlighting the current problems of historical demography. The main focus is on key discussions about the reliability of Soviet population statistics and the scale of the demographic crisis that engulfed the country during this period, including significant population losses. The paper investigates changes in approaches to the study of this time, which range from a categorical condemnation of the Stalinist regime in the late 1980s and early 1990s to a deep understanding of the victims of Stalinism and a careful study of the demographic upheavals of the 1930s, with subsequent attempts at historical generalizations. This path reflects the evolution of historical science, moving from one-sided interpretations to a multifaceted understanding of the processes that shaped the destinies of people and entire nations during that difficult period. The demographic processes of the early 1930s in the USSR are analyzed by researchers through the prism of the famine of 1932–1933, the consequences of which were comprehensively studied in researches of the 1990s and early 2000s. However, sources such as estimated data and summary reports of the Central Department of National Economic Accounting of the USSR do not fully reflect the real picture, which emphasizes the need to take into account regional peculiarities.

Keywords:

historical demography, historiography, demographic history, demographic crisis, demographic catastrophe, demographic modernization

прямым следствием действий властей. Специфика демографической истории СССР заключается в том, что население находилось под постоянным контролем и давлением со стороны государства.

Многочисленные аспекты демографической истории России, особенно касающиеся человеческих потерь, долгое время оставались за пределами научного исследования, образуя белые пятна в демографии. Русскоязычная историография изменяет свои ориентиры, ищет новые методологические подходы. В начале 1990-х гг. была рассекречена значительная часть документов Централь-

ного статистического управления Центральное Управление Народно-Хозяйственного Учета (при Госплане СССР) (далее – ЦУНХУ), и в распоряжение исследователей поступил огромный массив статистической информации, позволивший существенно обогатить источниковую базу, повысить научный уровень работ демографической истории, включая независимую оценку ранее недоступных материалов переписей 1926, 1937 и 1939 гг. и изучение влияния негативных факторов: голода, репрессии, эпидемии на демографическую ситуацию СССР в годы первых советских пятилеток. Воспоминания о переписи 1937 г. свидетельствуют о фальсификациях, за которыми последовали репрессии. Так, новые итоги переписи 1939 г. были искусственно завышены. Эта хроника демографического кризиса, превращенного в катастрофу, отражает жестокое обращение советского руководства с собственным народом, делая высокую смертность обыденным явлением. Исследования ученых как российских, так и зарубежных внесли значительный вклад в понимание этой трагедии, раскрывая ранее не публиковавшиеся архивные данные.

Драматическая ситуация, возникшая вокруг участников переписи населения 1937 г., была детально освещена в демографических исследованиях [1–4]. Результаты этой переписи были признаны искаженными и методологически несоответствующими, поскольку они не оправдали возложенные на них ожидания. Организаторы и непосредственные участники этой статистической акции столкнулись с жестокими репрессиями.

В основу современных демографических исследований легли работы 1990-х гг. [5–8], результаты которых ставили под сомнение советскую парадигму в отношении демографических процессов в СССР в начале 1930-х гг., заключающуюся в стабильном бескризисном развитии. Анализ и сопоставление статистических показателей всесоюзных переписей населения позволили выявить определенные тенденции демографического развития СССР в этот период, проследить как количественные, так и качественные изменения в населении. В работах историков-демографов 1990-х гг. как на общероссийском, так и региональном уровне появляются данные о кризисе демографической сферы в 1930-е гг. в СССР, их социальной обусловленности и последствиях, а также на вопросах достоверности советской статистики. Оценки потерь населения, его недоучета и коррективы, предложенные исследователями, сегодня служат основой для дальнейшей работы. Ученые восстановили динамику численности населения СССР и России, а также рассчитали людские потери в результате социальных катастроф. Общие демографические потери СССР с 1927 по 1941 г. были оценены в 13,5 млн чел., а людские потери составили около 7 млн. Кроме смертей непосредственно от голода 1933 г. и расстрелов в 1930-х гг., к потерям они отнесли сокращение продолжительности жизни людей в связи с ухудшением условий в целом [9, с. 73]. Эти оценки и сегодня остаются авторитетными в области исторической демографии, вскрывая сложные сюжетные линии советского прошлого.

В начале 2000-х гг. формируется новая историографическая тенденция, согласно которой в первой половине

XX в. население России, а затем и СССР, столкнулось с тремя значительными демографическими кризисами. Первый был вызван последствиями Первой мировой войны, Гражданской войны и голодом 1921–1922 гг. Второй кризис пришелся на период массовой коллективизации, раскулачивания и как итог голода в начале 1930-х гг. Третий был вызван событиями Великой Отечественной войны, ее последствиями и послевоенным голодом.

Высокий уровень смертности стал основанием для внедрения в русскоязычную историографию этого периода понятия «демографическая катастрофа». В. А. Исупов, предложивший новую интерпретацию демографических потрясений, первым ввел это определение. Оно быстро обрело широкое применение в современных историко-демографических исследованиях. Он же трактует «демографическую катастрофу» как «мощное, но кратковременное явление», следствием которого становится резкий рост смертности, ясно отражающийся в выраженных депопуляционных процессах и стремительном сокращении численности населения. В то же время демографический кризис, по его мнению, – это затяжной процесс, в первую очередь обусловленный падением рождаемости, при котором уровень смертности может оставаться «на стабильном или незначительно повышенном уровне». В такие эпохи «чаще всего фиксируется замедление темпов прироста, нулевой прирост или медленное сокращение численности населения» [10, с. 134]. Таким образом, различие между этими явлениями заключается в их временных рамках и причинах, что открывает новые горизонты для осмысленной дискуссии об изменениях в демографической структуре общества. В этой связи П. М. Полян отмечает, что общие демографические потери в России в XX в. из-за катастроф можно оценить лишь условно и посредством экспертных или расчетных методов с определенными допущениями [11, с. 44].

Дискуссии о причинах и масштабе этих социальных бедствий продолжаются и на современном этапе. В рамках данных научных дебатов особое внимание уделено теме голода 1932–1933 гг., который, наряду с сопутствующими эпидемиями, стал ключевым фактором демографической катастрофы в СССР. Начальному этапу научной полемики послужили работы западных специалистов в области исторической демографии, которые и на сегодняшний день остаются актуальными в исследовании данной научной проблематики. Р. Конквест во второй половине 1980-х гг. пришел к выводу, что в результате голода в СССР 1932–1933 гг. умерло около 7 млн чел. [12, с. 91]. Его оппонентами выступили Р. Дэвис и С. Уиткрофт. В частности Р. Дэвис, указав на бездоказательность его вычислений [13]. С. Уиткрофт оценил потери населения вследствие голода 1932–1933 гг. в пределах от 3 до 4 млн чел. [14, с. 888].

В начале 2000-х гг. была осуществлена попытка в рамках коллективной монографии под руководством А. Г. Вишневого дать количественные оценки человеческих потерь в СССР в результате кризисов первой половины века. В частности, С. Максудов сообщает о более чем 40 млн жертв социальных потрясений. Потери в пределах Российской империи – СССР от Первой мировой войны, револю-

ции и Гражданской войны, голода и эпидемий оцениваются между 14 и 23 млн «преждевременно умерших», а голод 1932–1933 гг. унес от 4 до 8 млн жизней [15, с. 454].

На современном этапе вопросы демографических процессов и голода 1930-х гг. рассматриваются как в общесоветских, так и региональных масштабах. По мнению исследователей, высокий недоучет в 1932–1933 гг. связан с тем, что в целом ряде регионов, в особенности в национальных субъектах, включая пострадавших от голода Казахстан и Калмыкию, регистрация умерших практически отсутствовала. По оценке ЦУНХУ того времени, считалось, что данные о естественном движении населения в 1933 г. относятся к 83,2 % населения СССР, учетом охвачено 93,6 % городского и 79,9 % сельского населения. В Российской Федерации – 85,2 % населения, в том числе 93,7 % городского и 82,4 % сельского. Неохваченными, как и в прошлые годы, оставались Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Калмыкия. ЦУНХУ считало, что недоучет ко всему населению СССР составлял 6 %, в том числе по городским поселениям – 2,4 %, и по сельским местностям – 7 %. С 1934 г. ответственность за работу органов ЗАГС возлагается на НКВД, утверждаются новые формы книг записей актов гражданского состояния, упрощается редакция отдельных вопросов [16, с. 18].

При исследовании демографических последствий голода в СССР и его регионах исследователи стремятся количественно оценить жертвы трагедии, проследить влияние голода на воспроизводство населения и миграционные процессы разными методами. По мнению ряда исследователей, сегодня известна «достаточно полная география» голода 1932–1933 гг., охватившего ключевые зерновые районы СССР: Украину, Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, значительную часть Центрально-Черноземной области, Беларусь, Казахстан, Западную Сибирь, Южный Урал. В настоящее время в русскоязычной историографии сформирована устоявшаяся оценка людских потерь, которые в Украине составили 3–3,5 млн чел. (С. В. Кульчицкий [17], Н. А. Ивницкий [18]), в Казахстане – около 2 млн чел. (Н. Н. Аблажей [19], Ж. Б. Абылхожин [20], М. К. Козыбаев [21]), в РСФСР (без Казахстана и Киргизии) – не менее 2–2,5 млн чел. (Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова [5]; В. Б. Жиромская [22], В. В. Кондрашин [23, 24]). По мнению В. Б. Жиромской, оценки потерь не могут быть абсолютно точными, голод 1932–1933 гг. изменил весь механизм учета, где система регистрации рождений и смертей оказалась крайне несовершенной. Массовые неучтенные миграции населения в основном крестьянства, и репрессии усугубляли ситуацию [22].

Общие потери населения от голода 1932–1933 гг. в СССР, включая сверхсмертность, дефицит рождаемости, безвозвратную миграцию за пределы страны, насчитывали более 7 млн чел. Тем не менее в современной российской историографии существует мнение, что «демография голода рассмотрена только в первом приближении и только на уровне крупных административно-территориальных единиц, а география голода имеет разночтения и до конца не прояснена. Детально не рассмотрен вопрос городской и районной рождаемости, смертности и естественной убыли

населения, крайне политизирован и не до конца прояснен вопрос этнической компоненты голода» [25, с. 47].

Среди историков существует множество мнений относительно того, насколько непосредственно действия руководства СССР привели к голоду, и в какой мере осознанные меры самого руководства стали предвестниками этой катастрофы. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что сталинская политика коллективизации оказалась одной из ключевых причин этой трагедии. При этом, как отмечает российский специалист В. В. Кондрашин, «несмотря на очевидную вину сталинского руководства в трагедии 1932–1933 гг., его действия все же нельзя квалифицировать как "геноцид" – осознанное стремление уничтожить часть населения или народ с помощью голода» [4, с. 158]. Он же указывает, что данные ЦУНХУ за этот период в РСФСР, УССР и БССР являются убедительными. Сверхсмертность от голода в 1933 г. в СССР составила 3,5 млн чел., тогда как в Казахстане, Средней Азии и Дальнем Востоке, согласно его ссылке на ЦУНХУ, – 1,5 млн. Подавляющее большинство жертв – спецпоселенцы и заключенные ГУЛАГа, их потери не превысили 600 тыс. чел. В результате общая смертность в СССР в 1933 г. достигла 5,6 млн, а дефицит рождаемости составил 3 млн, что приводит к общим демографическим потерям не менее 8 млн жизней [24, с. 65].

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что демографические процессы начала 1930-х гг. в СССР анализируются исследователями сквозь призму голода 1932–1933 гг., последствия которого были всесторонне сформулированы в исследованиях 1990-х и начала 2000-х гг. На современном этапе ученые обращаются к потерям от голода, опираясь на оценочные данные и сводные отчеты ЦУНХУ СССР, однако эти источники не всегда дают полное представление о происходящих событиях. Исследование демографии голода 1932–1933 гг. охватывает крупные административно-территориальные единицы, а география голода остается неоднозначной и не до конца проясненной, что побуждает исследователей обратить внимание на региональные особенности. Таким образом, научное осмысление демографических процессов в СССР в годы голода требует внимательного изучения обширных архивных источников, свидетельствующих о демографической катастрофе, оставившей глубокий след в численности населения и культурной памяти общества, актуальной и сейчас.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Волков, А. Г. Из истории переписи 1937 года / А. Г. Волков // Вестник статистики. – 1990. – № 8. – С. 45–56.
2. Волков, А. Г. Перепись населения СССР 1937 года: мысли и правда / А. Г. Волков // История и материалы. Экспресс-информация. Серия История статистики. Вып. 3–5, ч. 2. – Москва : Информцентр Госкомстата СССР, 1990. – С. 6–63.
3. Данилов, В. П. Дискуссии в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографической катастрофе»

- 30–40-х годов в СССР / В. П. Данилов // Вопросы истории. – 1988. – № 3. – С. 116–121.
4. Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / науч. ред. В. В. Кондрашин. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 471 с.
 5. Андреев, Е. Демографическая история России: 1927–1959 / И. И. Андреев, Л. Дарский, Т. Харьковская. – Москва : Информатика, 1998. – 187 с.
 6. Жиромская, В. Б. Основные тенденции демократического развития России в XX в. / В. Б. Жиромская. – Москва : Кучково поле, 2012. – 320 с.
 7. Зеленин, И. Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации / И. Е. Зеленин // Проблемы устной истории в СССР. – Киров, 1990. – С. 18–22.
 8. Население России в XX веке: Ист. очерки [в 3-х т.] / отв. ред. Ю. А. Поляков. – Москва : РОССПЭН, 2000. – Т. 1. 1900–1939. – 459 с.
 9. Баранов, Е. Ю. Современная историография демографической истории СССР в 1930-е гг.: тренд дискурса и актуальные проблемы / Е. Ю. Баранов // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 3. – С. 70–79.
 10. Исупов, В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки / В. А. Исупов. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. – 244 с.
 11. Полян, П. М. Двадцатое столетие: путем демографических катастроф / П. М. Полян // Город и деревня в Европейской России. Сто лет перемен: монографический сборник. – Москва : ОГИ, 2001. – С. 33–62.
 12. Конквест, Р. Жатва скорби / Р. Конквест // Вопросы истории. – 1990. – № 4. – С. 83–100.
 13. Дэвис, Р. Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931–1933 / Р. Дэвис, С. Уиткрофт. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 2011. – 544 с.
 14. Уиткрофт, С. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931–1933 гг. / С. Уиткрофт // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. – Москва, 2001. – Т. 3. – С. 866–887.
 15. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого. Москва : Новое издательство, 2006. – 608 с.
 16. Бадмаева, Е. Н. Демографическая история СССР в 1920–1930-е гг.: к проблеме современной историографии / Е. Н. Бадмаева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 4. – С.15–21.
 17. Кульчицкий, С. Почему он нас уничтожал? Сталин и украинский Голодомор / С. Кульчицкий; под ред. Л. Ившина. – Киев : Украинская пресс-группа, 2007. – 207 с.
 18. Ивницкий, Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) / Н. А. Ивницкий. – Москва : Интерпракс, 1994. – 267 с.
 19. Аблажей, Н. Н. Эмиграционные последствия голода начала 1930-х гг. для Казахстана / Н. Н. Аблажей // История сталинизма: крестьянство и власть: материалы Междунар. науч. конф. – Москва, 2011. – С. 198–205.
 20. Абылхожин, Ж. Б. Казахская трагедия / Ж. Б. Абылхожин, М. К. Козыбаев, М. Б. Татимов // Вопросы истории. – 1989. – № 7. – С. 65–67.
 21. Козыбаев, М. К. Актуальные проблемы изучения Отечественной истории / М. К. Козыбаев // Материалы Научной сессии ученых Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан. – Алматы, 1998. – 230 с.
 22. Жиромская, В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / В. Б. Жиромская. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 277 с.
 23. Кондрашин, В. В. Методы и исследовательские практики политизации и фальсификации темы голода 1932–1933 гг. в СССР, на постсоветском пространстве и в современной западной историографии / В. В. Кондрашин // История современности: информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом: доклады Международной научно-практической конференции. – Москва : Изд-во РГГУ, 2019. – С. 232–241.
 24. Кондрашин, В. В. Документы российских архивов о голоде 1932–1933 гг. в СССР / В. В. Кондрашин // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 2. – С. 60–65.
 25. Назаренко, Н. Н. Демографические процессы в Центральном Черноземье России в период голода 1932–1933 гг.: историография вопроса / Н. Н. Назаренко, Н. В. Коршунова, А. В. Башкин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 47–56.

References

1. Volkov, A. G. Iz istorii perepisi 1937 goda [From the history of the 1937 census] / A. G. Volkov // Vestnik statistiki [Bull. of Statistics]. – 1990. – № 8. – P. 45–56.
2. Volkov, A. G. Perepis' naseleniya SSSR 1937 goda: vymysly i pravda [The 1937 USSR Population Census: fiction and truth] / A. G. Volkov // Istoriya i materialy. Ekspres-informaciya. Seriya Istoriya statistiki [History and materials. Express information. Series History of statistics]. Issue 3-5, Part 2. – Moscow: Informcenter of the State Statistics Committee of the USSR. – 1990. – P. 6–63.
3. Danilov, V. P. Diskussii v zapadnoj presse o golode 1932–1933 gg. i «demograficheskoj katastrofe» 30–40-h godov v SSSR [Discussions in the Western press about the famine of 1932–1933 and the “demographic catastrophe” of the 1930–1940s in the USSR] / V. P. Danilov // Voprosy istorii [History issues]. – 1988. – № 3. – P. 116–121.
4. Sovremennaya rossijsko-ukrainskaya istoriografiya goloda 1932–1933 gg. v SSSR [Modern Russian-Ukrainian historiography of the famine of 1932–1933 in the USSR] / Sci. Ed. V. V. Kondrashin. – Moscow: ROSSPEN, 2011. – 471 p.
5. Andreev, E. Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1959 [Demographic history of Russia: 1927–1959] / E. Andreev, L. Darsky, T. Kharkova. – Moscow: Informatika, 1998. – 187 p.
6. Zhiromskaya, V. B. Osnovnye tendencii demokraticheskogo razvitiya Rossii v XX v [The main trends in the democratic development of Russia in the XX century] / V. B.

- Zhiromskaya. – Moscow: Kuchkovo pole, 2012. – 320 p.
7. Zelenin, I. E. O nekotoryh «belyh pyatnah» zavershayushchego etapa sploshnoj kollektivizatsii [About some of the “white spots” of the final stage of continuous collectivization] / I. E. Zelenin // Problemy ustnoj istorii v SSSR [Problems of oral history in the USSR]. – Kirov: 1990. – P. 18–22.
 8. Naselenie Rossii v XX veke [The population of Russia in the XX century]: historical essays [in 3 vols.] / Ed. Yu. A. Pol'yakov. – Moscow: ROSSPEN, 2000. Vol. 1. 1900–1939. – 459 p.
 9. Baranov, E. Yu. Sovremennaya istoriografiya demograficheskoy istorii SSSR v 1930–e gg.: trend diskursa i aktual'nye problem [Modern historiography of the demographic history of the USSR in the 1930s: the trend of discourse and current problems] / E. Yu. Baranov // Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural Historical Bull.]. – 2014. – №3. – P. 70–79.
 10. Isupov, V. A. Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoj polovine XX veka. Istoriko-demograficheskie ocherki [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the XX century. Historical and demographic essays] / V. A. Isupov. – Novosibirsk: Sibirskij hronograf [Siberian Chronograph], 2000. – 244 p.
 11. Polyan, P. M. Dvadcatoe stoletie: putem demograficheskikh katastrof [The twentieth century: through demographic catastrophes] / P. M. Polyan // Gorod i derevnya v Evropejskoj Rossii. Sto let peremen [A town and a village in European Russia. One Hundred years of change]: monographic collection. – Moscow: United Humanitarian Publ. House, 2001. – P. 33–62.
 12. Konkvest, R. Zhatva skorbi [The Harvest of Sorrow] / R. Konkvest // Voprosy istorii [History issues]. – 1990. – № 4. – P. 83–100.
 13. Devis, R. Gody goloda. Sel'skoe hozyajstvo SSSR, 1931–1933 [Years of famine. Agriculture of the USSR, 1931–1933] / R. Devis, C. Uitkroft. – Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya [Russian Political Encyclopedia], 2011. – 544 p.
 14. Uitkroft, S. O demograficheskikh svidetel'stvah tragedii sovetskoj derevni v 1931–1933 gg. [On demographic evidence of the tragedy of the Soviet village in 1931–1933] / S. Uitkroft // Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939 [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939]: Documents and materials. – Moscow: 2001. – Vol. 3. – P. 866–887.
 15. Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 [Demographic modernization of Russia, 1900–2000] / Ed. A. G. Vishnevsky. – Moscow: Novoe izdatelstvo [New Publ.], 2006. – 608 p.
 16. Badmaeva, E. N. Demograficheskaya istoriya SSSR v 1920–1930 – e gg.: k probleme so-vremennoj istoriografii [Demographic History of the USSR in the 1920s – 1930s: on the problem of modern historiography] / E. N. Badmaeva // Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura [The Caspian region: politics, economy, culture]. – 2020. – № 4. – P.15–21.
 17. Kulchitsky, S. Pochemu on nas unichtozhal? Stalin i ukrainskij Golodomor [Why was he destroying us? Stalin and the Ukrainian Holodomor] / S. Kulchitsky / Ed. L. Ivshin. – Kiev: Ukrainskaya press-gruppa [Ukrainian press-group], 2007. – 207 p.
 18. Ivnitsky, N. A. Kollektivizatsiya i raskulachivanie (nachalo 30-h godov) [Collectivization and dispossession (early 1930s)] / N. A. Ivnitsky. – Moscow: Interpraks, 1994. – 267p.
 19. Ablazhei, N. N. Emigratsionnye posledstviya goloda nachala 1930-h gg. dlya Kazakhstana [Emigration consequences of the famine of the early 1930s for Kazakhstan] / N. N. Ablazhei // Istoriya stalinizma: krestyanstvo i vlast [The History of Stalinism: the peasantry and the government]: materials of Intern. Sci. Conf. Moscow. – 2011. – P. 198–205.
 20. Abylkhozhin, Zh. B. Kazakhstanskaya tragediya [The Kazakh tragedy] / Zh. B. Abylkhozhin, M. K. Kozybaev, M. B. Tatimov // Voprosy istorii [History issues]. – 1989. – № 7. – P. 65–67.
 21. Kozybaev, M. K. Aktual'nye problemy izucheniya Otechestvennoj istorii [Actual problems of studying Russian history] / M. K. Kozybaev // Materialy Nauchnoj sessii uchenyh Ministerstva nauki – Akademii nauk Respubliki Kazakhstan [Materials of the Scientific session of scientists of the Ministry of Science – Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan]. – Almaty, 1998. – 230 p.
 22. Zhiromskaya, V. B. Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930–e gg. Vzgl'yad v neizvestnoe [Demographic history of Russia in the 1930s. A view of the unknown] / V. B. Zhiromskaya. – Moscow: ROSSPEN, 2001. – 277 p.
 23. Kondrashin, V. V. Metody i issledovatel'skie praktiki politizatsii i fal'sifika-cii temy goloda 1932–1933 gg. v SSSR, na postsovetском prostranstve i v sovremen-noj zapadnoy istoriografii [Methods and research practices of politicization and falsification of the famine of 1932–1933 in the USSR, in the post-Soviet space and in modern Western historiography] / V. V. Kondrashin // Istoriya sovremen-nosti: informatsionnye resursy, metody i issledovatel'skie praktiki v Rossii i za rubezhom [The history of modernity: information resources, methods and research practices in Russia and abroad]: reports at the Intern. Sci. Pract. Conf. – Moscow: Russian Univ. of the Humanities, 2019. – P. 232–241.
 24. Kondrashin, V. V. Dokumenty rossijskikh arhivov o golode 1932–1933 gg. v SSSR [Documents of the Russian archives on the famine of 1932–1933 in the USSR] / V. V. Kondrashin // Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]. – 2010. – № 2. – P. 60–65.
 25. Nazarenko, N. N. Demograficheskie processy v Central'nom Chernozem'e Rossii v peri-od goloda 1932–1933 gg.: istoriografiya voprosa [Demographic processes in the Central Chernozem Region of Russia during the famine of 1932–1933: historiography of the issue] / N. N. Nazarenko, N. V. Korshunova, A. V. Bashkin // Bull. of South Ural State Univ. Series “Social and Humanitarian Sciences”. – 2023. – Vol. 23, № 2. – P. 47–56.

Информация об авторе:

Петаченко Григорий Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: petakoff@yandex.ru)

Author:

Grigory A. Petachenko – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Russian History of the Belarusian State University (4, Nezavisimosti ave., Minsk 220030, Republic of Belarus; e-mail: petakoff@yandex.ru).

Для цитирования:

Петаченко, Г. А. Демографические процессы в СССР в период голода начала 1930-х годов: историография вопроса / Г. А. Петаченко // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 92–97.

For citation:

Petachenko, G. A. Demographic processes in the USSR during the famine of the early 1930s: historiography of the problem / G. A. Petachenko // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography". – 2024. – No. 10 (76). – P. 92-97.

Дата поступления статьи: 17.09.2024

Прошла рецензирование: 20.09.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 17.09.2024

Reviewed: 20.09.2024

Accepted: 12.12.2024